

Артур ХЕЙЛИ

ДЕТЕКТИВ

Памяти Стивена Л. (Стива) Винсона, в прошлом – детектива отдела по расследованию убийств полицейского управления Майами, доброго друга и советчика, который умер в возрасте пятидесяти двух лет незадолго до окончания моей работы над этой книгой.

"Жизнь подобна пиру Дамокла: меч свыше грозит нам вечно".

Вольтер

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

В десять тридцать пять вечера двадцать седьмого января Малколм Эйнсли уже был на полпути к выходу из отдела по расследованию убийств, когда услышал за спиной телефонный звонок. Чисто инстинктивно Малколм приостановился и оглянулся. Позже ему не раз пришлось пожалеть, что он сделал это.

Детектив Хорхе Родригес проворно подскочил к свободному столу, снял трубку, послушал и окликнул Эйнсли:

– Это вас, сержант!

Эйнсли положил на стол книгу, которую держал в руках, и вернулся к своему рабочему месту. Движения его были четкими и легкими. Только что разменявший пятый десяток детектив Эйнсли обладал крепким сложением, ростом выше среднего и выглядел не хуже, чем в те времена, когда играл опорным защитником в школьной футбольной команде. Лишь небольшой живот был ему упреком в злоупотреблении гамбургерами, но таков уж удел сыщика – вечная сухомятка, все бегом.

Этим поздним вечером на пятом этаже главного здания полицейского управления Майами, где располагался отдел по расследованию убийств, царила полная тишина. Здесь работали семь следственных групп, каждая из которых включала сержанта и трех сыщиков-детективов. Но группа, которая дежурила сегодня, находилась на выезде, ей предстояло начать расследование трех не связанных друг с другом убийств, происшедших за последние несколько часов. В Майами, штат Флорида, человеческие существа истребляли себе подобных без усталости.

Официально рабочий день в отделе длился десять часов. Но почти всегда приходилось задерживаться. Вот и у Эйнсли с Родригесом смена давно закончилась, а они только-только поставили точку.

Эйнсли подумал, что наверняка звонит его жена Карен. Хочет узнать, когда он явится домой, ознаменовав тем самым начало долгожданного отпуска. Что ж, хотя бы в этот раз он сможет ей сказать, что уже выезжает, что привел в порядок отчетность, подчистил все дела и никто не помешает им теперь отправиться вместе с Джейсоном завтра утренним рейсом “Эйр Канада” из Майами в Торонто.

Эйнсли была необходима эта передышка. Хотя он все еще и пребывал в отменной физической форме, однако не чувствовал больше того неиссякаемого запаса энергии, с которым пришел на работу в полицию десять лет назад. Накануне, когда брился, заметил, что седины прибавилось, а волос стало меньше. Морщины к тому же... Ясно, отчего все это: работа в “убойном” отделе – сплошная череда стрессов. Во взгляде – настороженном и испытующем – проступили скепсис и даже цинизм, порожденные годами соприкосновения с людскими мерзостями.

К нему незаметно сзади подошла Карен и, словно прочитав по своему обыкновению мысли мужа, слегка взъерошила ему волосы со словами: “Мне лично ты очень нравишься”.

Малколм привлек Карен к себе и крепко обнял. Она едва была ему по плечо; он щекой ощутил мягкую шелковистость ее волос; соприкосновение их тел всегда возбуждало обоих. Малколм чуть приподнял пальцем ее подбородок, они поцеловались.

“Я хоть и кроха, – сказала ему Карен вскоре после помолвки, – зато во мне бездна любви к тебе.., и всего прочего, что тебе пригодится в жизни”. Так и оказалось.

...Ожидая услышать голос Карен, Малколм, расплывшись в улыбке, снял трубку.

– Это Рэй Аксбридж, – произнес звучный баритон, – капеллан тюрьмы штата Флорида.

– Мы знакомы. – Эйнсли пару раз сталкивался с Аксбвджем, тот пришелся ему не по душе. Тем не менее он спросил вежливо:

– Что побудило вас обратиться ко мне, святой отец?

– Одного нашего заключенного должны казнить завтра в семь утра. Его зовут Элрой Дойл. Он говорит, что знает вас.

Эйнсли моментально почувствовал, как вскипает злость.

– Еще бы не знать! Это ведь я засадил Зверя в Рэйфорд.

Ответная реплика прозвучала сдержанно:

– Хочу напомнить вам, сержант, что речь идет о человеке. Я предпочел бы не прибегать в разговоре к подобным прозвищам.

Эйнсли сразу вспомнил, почему в первую встречу Рэй Аксбридж вызвал в нем антипатию: осел велеречивый...

– Бросьте, его все называют Зверем, – сказал Эйнсли, – включая, кстати, и его самого. Для такого извращенного убийцы кличка даже мягковата.

Прозвище это пошло от доктора Сандры Санчес, помощника судебно-медицинского эксперта округа Дейд, которая, увидев изуродованные тела первых двух из двенадцати жертв Элроя Дойла, не сдержалась:

– Боже милостивый! Я достаточно повидала ужасов, но это – дело рук какого-то зверя в человеческом обличье! Ее слова почти в точности повторяли потом многие. Аксбридж между тем продолжал:

– Мистер Дойл попросил меня связаться с вами и передать, что он хотел бы встретиться с вами перед смертью. – Священник помедлил, и Эйнсли понял, что собеседник смотрит на часы. – До казни осталось чуть больше восьми часов.

– Дойл объяснил, зачем я ему понадобился?

– Он отлично понимает, что вы более чем кто-либо другой способствовали его аресту и осуждению.

– И что ж? – спросил Эйнсли нетерпеливо. – Он перед смертью хочет плюнуть мне в лицо?

Последовала пауза, после которой капеллан произнес:

– Я имел подробную беседу с заключенным, но должен вам напомнить, что содержание разговоров между духовным лицом и приговоренным к смерти является сугубо конфиденциальным и не подлежит...

– В таком случае я должен напомнить вам, что нахожусь в Майами, то есть в шестистах километрах от вас, и не собираюсь всю ночь гнать машину только потому, что этот псих смея ради захотел увидаться со мной.

Эйнсли пришлось подождать, пока священник сказал:

– Он говорит, что ему нужно сделать признание. Эйнсли был поражен. Он ожидал чего угодно, только не этого.

– В чем он хочет признаться? В совершенных им убийствах?

Вопрос напрашивался сам собой. На всем протяжении долгого судебного разбирательства, в ходе которого Дойл был обвинен в чудовищном двойном убийстве и приговорен к смертной казни, он твердил, что невиновен, несмотря на всю тяжесть улик, предъявленных следствием. Столь же горячо он отрицал свою причастность к десяти другим убийствам, которые ему не инкриминировались, хотя детективы были убеждены, что они тоже дело его рук.

Непостижимая жестокость этих двенадцати убийств потрясла и повергла в ужас всю страну. По окончании процесса один из известнейших обозревателей писал: “Содеянное Элроем Дойлом может служить самым сильным аргументом в пользу смертной казни. Но какая жалость, однако, что смерть от электрического разряда слишком быстра и ему не придется испытать мучения, которым он подверг своих жертв!”

– Не знаю, в чем он хочет признаться. Это вам предстоит выяснить самому.

– Черт возьми!

– Простите?

– Я сказал “черт возьми”, святой отец. Держу пари, вам тоже доводилось говорить так.

– Не надо мне грубить.

Эйнсли вдруг в голос застонал, осознав, какая перед ним дилемма.

Если сейчас, на самом краю бездны. Зверь решился признать справедливость обвинений против себя в суде или тем более – сознаться в совершении остальных убийств, это необходимо запротоколировать. Пусть с одной лишь целью – заставить заткнуться горстку горлопанов, в том числе и из организации противников смертной казни, которые даже сейчас считали Дойла ни в чем не повинным и твердили, что его сделали козлом отпущения, поскольку общественность требовала найти виновного как можно скорее. Признание Дойла их уgomонит.

Большой вопрос, конечно же, на какое такое признание решился Дойл? Даст ли он показания в чисто юридическом смысле этого слова или же захочет излить душу, чтобы получить отпущение грехов? На суде один из свидетелей отозвался о нем как о религиозном фанате, у которого “дичайшая мешанина в башке”.

Как бы то ни было, только Эйнсли, досконально знавший дело, способен довести его до конца. А значит, он должен, просто обязан отправиться в Рэйфорд.

Эйнсли со вздохом откинулся на спинку кресла. Как некстати! Кареч будет в бешенстве. Не далее как На прошлой неделе она подстерегла мужа на пороге дома. Было около часа ночи, так что она успела хорошо продумать свою сердитую речь. Эйнсли в тот день пришлось заниматься убийством, которое произошло в ходе перестрелки между двумя бандитскими кланами. Случай сложнейший, он опоздал к праздничному ужину в связи с годовщиной их свадьбы. Жена встретила его у входной двери, сменив нарядное платье на розовую ночную рубашку. “Малколм, – сказала она, – так дальше продолжаться не может. Мы почти тебя не видим. Мы ни в чем не можем положиться на тебя. Даже когда ты дома, ты так измотан, что спишь на ходу. Пришла пора что-то менять в нашей жизни. Ты должен решить наконец, что тебе дороже. – Карен отвела взгляд. Потом закончила уже спокойнее:

– Я говорю совершенно серьезно, Малколм. Поверь, это не блеф”.

Он очень хорошо понимал, что имела в виду Карен. И был полностью с ней согласен. Однако что-то изменить было гораздо труднее, чем могло

показаться на первый взгляд.

– Вы меня слушаете, сержант? – Тон Аксбриджа становился все более настойчивым.

– К сожалению, да.

– Так вы приедете или нет? Подумав, Эйнсли ответил:

– Как вы думаете, святой отец. Дойл... Ему нужна исповедь в общепринятом смысле этого слова?

– К чему вы клоните?

– Ищу путь к компромиссу, чтобы не ездить в Рэйфорд. Не могли бы вы сами исповедать Дойла, но в присутствии представителя тюремной администрации? Тогда это можно трактовать как официальное признание, которое вносится в протокол.

Эйнсли знал, что зашел слишком далеко, и потому бурная ответная реакция не удивила его.

– Во имя всего святого! Как вы можете так говорить? Тайна исповеди священна! Уж вы-то должны это знать!

– Да, верно, извините. – Ему и в самом деле стоило повиниться перед Аксбриджем за последнюю попытку отбрыкаться от поездки. Теперь выбора не осталось.

Проще всего долететь до Джексонвилла или Гейнсвилла: тюрьма штата располагалась недалеко от этих двух городов. Проблема в том, что ночью туда не было рейсов. Успеть в Рэйфорд до казни Дойла можно только на машине. Восемь часов езды... Времени в обрез.

Эйнсли бросил взгляд на Родригеса, который вслушивался в разговор. Прикрыв трубку ладонью, Эйнсли негромко сказал:

– Нужно отвезти меня в Рэйфорд. Подыщи патрульную машину, заправь ее и жди на нашей стоянке. И захвати мобильный телефон.

– Слушаюсь, сержант. – Хорхе быстро вышел.

– Я хочу, чтобы до вас дошло, Эйнсли, – священник говорил с нескрываемой злостью, – разговор с вами мне крайне неприятен. Я позвонил вам против своей воли, потому что меня попросил об этом человек, который обречен на смерть. Дойл знает, что вы в прошлом священнослужитель. Мне он исповедоваться не желает. Он готов раскрыть свою душу только перед вами. И как ни ужасна для меня подобная идея, я обязан уважить его просьбу.

Суть дела, казалось, начала проясняться.

Эйнсли ожидал чего-то в этом роде, как только услышал в трубке голос Рэя Аксбриджа. Жизненный опыт помог ему усвоить две вещи. Во-первых, прошлое иногда напоминало о себе совершенно неожиданно, а некоторые детали его прошлого, без сомнения, были Аксбриджу известны. Во-вторых, к бывшему священнику особенную предубежденность испытывали именно бывшие братья. Остальные были вполне терпимы, даже миряне-католики, даже служители других религий... Но только не католические пастыри. Когда Эйнсли был в мрачном расположении духа, то приписывал это зависти – четвертому из смертных грехов.

Уже десять лет прошло с тех пор, как Эйнсли сложил с себя сан, и теперь он с полным правом мог сказать Аксбриджу:

– Послушайте, святой отец, как офицера полиции меня интересуют только те признания Зверя, которые имеют отношение к совершенным им преступлениям. Если именно в этом он захочет исповедаться мне перед смертью, я готов его выслушать, хотя у меня неизбежно возникнут к нему вопросы.

– То есть вы устроите ему допрос? – взвился Аксбридж. – Неужели даже сейчас в этом есть необходимость? Эйнсли тоже не мог больше сдерживаться:

– Именно допрос! Если вы смотрите телевизор, то знаете, как это происходит. Мы сидим в маленьких комнатках без окон и задаем подозреваемым вопрос за вопросом.

– Дойл уже вне подозрений.

– Он по-прежнему подозревается в совершении других преступлений. Интересы общества требуют, чтобы мы выяснили все обстоятельства дела.

– Общественные интересы или личные амбиции, сержант? – съязвил Аксбридж.

– Что касается моих амбиций, то они были полностью удовлетворены, когда Зверя признали виновным и приговорили к смерти. Лишь профессиональный долг велит мне установить, по возможности, все факты.

– А меня больше беспокоит душа этого человека.

– Так и должно быть. – Эйнсли слегка улыбнулся. – Мое дело факты, ваше – душа. Займитесь душой Дойла, пока я в пути, а по приезде я приму у вас эстафету.

После этого Аксбридж заговорил официально:

– Я настаиваю, Эйнсли, чтобы вы дали мне сейчас твердое обещание, что в процессе общения с Дойлом не будете выдавать себя за представителя церкви. Кроме того...

– У вас нет никакого права отдавать мне приказы, святой отец.

– Мое право от Бога! – пророкотал Аксбридж.

– Мы попусту теряем время, – отозвался Эйнсли, не выносивший театральной патетики. – Передайте Дойлу, что я буду в вашем заведении раньше, чем он выпишется оттуда. И уверяю вас, я не собираюсь ни за кого себя выдавать.

– Дайте мне честное слово.

– О, Бога ради! Считайте, что я его уже дал. Если бы мне хотелось щеголять в сутане, я бы остался священником. – И Эйнсли положил трубку.

***

Он сразу же поднял ее снова и отбарабанил по кнопкам номер начальника отдела лейтенанта Лео Ньюболда, который по случаю выходного дня должен был находиться дома. На звонок отозвался приятный женский голос с заметным ямайским акцентом:

– Квартира Ньюболдов.

– Привет, Девайна! Это Малколм. Могу я поговорить с боссом?

– Он спит, Малколм. Разбудить?

– Боюсь, что придется, извини.

Эйнсли ждал в нетерпении, сверяясь с часами, просчитывая расстояние, которое предстояло преодолеть, и время, которое для этого потребуется. Если не возникнет непредвиденных препятствий, они успеют. Но времени все равно остается в обрез.

Он услышал, как со щелчком была снята трубка параллельного телефона. Потом заспанный голос:

– Привет, Малколм. Какого дьявола? Разве ты не в отпуске? – У Лео Ньюболда тоже был ямайский выговор.

– И я так думал, сэр. Но тут кое-что случилось.

– Вот так всегда!.. Ладно, рассказывай.

Эйнсли кратко изложил свой разговор с Аксбриджем.

– Должен выезжать немедленно. Звоню, чтобы получить добро.

– Даю. Кто тебя повезет?

– Я беру Родригеса.

– Хорошо, только приглядывай за ним, Малколм. Этот кубинец водит машину как полоумный.

– Сейчас это как раз то, что мне нужно, – улыбнулся Эйнсли.

– А как же твой отпуск с семьей? Насмарку?

– Похоже на то. Я еще не говорил с Карен. Позвоню ей с дороги.

– Черт побери! Сожалею, что так вышло. Эйнсли посвятил Ньюболда в их планы отметить завтра восьмой день рождения своего сына Джейсона одновременно с семидесятипятилетием отца Карен, бригадного генерала, отставника канадской армии Джорджа Гранди. Гранди жили в пригороде Торонто, на двойное торжество собиралась вся семья.

– В котором часу завтра самолет на Торонто? – спросил Ньюболд.

– В девять ноль пять утра.

– А казнь Зверя?

– В семь.

– Стало быть, освободишься ты в восемь и в Майами уже не успеешь. А из Джексонвилла или Гейнсвилла есть рейсы на Торонто? Ты узнавал?

– Нет еще.

– Тогда я этим займусь. Позвони мне через часок.

– Спасибо, позвоню.

Прежде чем выйти из отдела, Эйнсли взял портативный диктофон и спрятал его в карман пиджака. Что бы ни взбрело Дойлу сообщить напоследок, его слова переживут его самого.

***

В вестибюле здания главного полицейского управления рядом со стойкой дежурных его уже дожидался Родригес.

– Я взял документы на машину – тридцать шестой бокс на стоянке. И мобильный телефон. – Хорхе был самым молодым детективом в их отделе, и Эйнсли частенько приходилось помогать ему, но сейчас его юношеское рвение оказалось как нельзя кстати.

– Тогда поехали.

Они быстро вышли из здания и сразу почувствовали удушающую влажность, которая обволакивала Майами много дней кряду. Эйнсли взглянул на небо. Яркие звезды, луна и лишь кое-где крохотные кучевые облачка.

Несколько минут спустя они выехали на Третью Северо-Западную авеню (Хорхе, естественно, за рулем). Через два квартала начиналась эстакада федеральной дороги номер девяносто пять, протянувшаяся на пятнадцать километров в северном направлении. Она выводила затем на Флоридское шоссе, по которому им предстояло мчаться долгих четыреста пятьдесят километров.

Часы показывали двадцать три десять.

Сине-белый “шевроле импала” имел полную полицейскую оснастку и был снабжен кондиционером.

– Включить маячок и сирену? – спросил Хорхе.

– Пока не надо. Посмотрим, как пойдут дела. Поддай-ка для начала газу.

Транспортный поток почти иссяк, и их автомобиль легко набрал сто двадцать километров в час. Они могли себе это позволить: автомобиль с

полицейской маркировкой не остановят за превышение скорости даже за пределами Майами.

Удобно устроившись на сиденье, Эйнсли некоторое время смотрел в окно. Потом он вдруг решительно взял трубку сотового телефона и набрал свой домашний номер.

Глава 2

– Я не верю, Малколм! Я просто отказываюсь в это поверить!

– Боюсь, что дело обстоит именно так, – сказал он уныло.

– Ах, ты боишься! Чего же, позволь поинтересоваться, ты боишься?

А ведь всего полминуты назад, услышав его голос, Карен радостно спросила:

– Когда ты будешь дома, милый?

Как только он сказал, что нынешней ночью домой не приедет, она, обычно такая сдержанная, выплеснула весь свой гнев. Он пытался объясниться, рассказать, чем приходится заниматься, но безуспешно.

– Значит, ты боишься обидеть это отребье рода человеческого, этого подонка, которого и казнить-то мало! Боишься упустить новые омерзительные подробности очередного расследования, так? Тогда почему же ты не боишься – ничуть не боишься – довести до слез своего сына в его день рождения? А ведь он так ждал, считал дни, надеялся на тебя...

Каждое ее слово – правда, подумал Эйнсли с тоской. Но все же... Ну как ей объяснить?! Как растолковать, чтобы поняла, что сыщик, а тем паче детектив из отдела расследования убийств, на службе всегда. Что он обязан был поехать. Что нет такого предлога, под которым он мог бы отказаться, как бы ни складывалась его семейная жизнь.

– Мне и самому очень жаль Джейсона, – голос его звучал тускло. – Ты должна понимать хотя бы это.

– Должна? А я вот, представь, не понимаю. Потому что, если бы тебе не

было наплевать, ты бы уже приехал домой, а не направлялся в гости к убийце, который для тебя важнее всего на свете, даже твоей семьи.

– Карен, я должен был поехать, – сказал Эйнсли уже много тверже. – У меня не было выбора. Не было, и все!

Она промолчала, Эйнсли продолжил:

– Послушай, я постараюсь вылететь из Джексонвилла или Гейнсвилла и присоединюсь к вам уже в Торонто. Только захвати мой чемодан.

– Но мы должны лететь все вместе – ты, я и Джейсон. Мы одна семья! Или ты забыл об этом?

– Перестань, Карен!

– О таком пустяке, как день рождения моего отца, я вообще молчу. А ведь ему семьдесят пять, кто знает, много ли еще отпущено. Но все это не в счет, не имеет значения в сравнении с этим Зверем. Ты его так называешь? Это животное тебе действительно важнее всех нас!

– Не правда!

– Докажи! Где ты сейчас?

Эйнсли поискал было глазами дорожный указатель, но потом помотал головой.

– Нет, Карен, я не могу повернуть назад. Жаль, что ты не хочешь понять меня, но решение принято.

Карен опять немного помолчала, а когда снова заговорила, голос ее срывался. Эйнсли чувствовал, что она сейчас заплачет.

– Господи, что же ты с нами делаешь, Малколм... Он не нашелся сразу подобрать нужные слова и услышал щелчок – она положила трубку. Со вздохом Эйнсли отключил мобильный телефон. Сразу пришли в голову покаянные мысли о том, как часто он и раньше расстраивал Карен, когда приходилось ставить во главу угла служебный долг. Припомнились слова, которые бросила ему Карен неделю назад: “Малколм, так дальше

продолжаться не может”. Он отчаянно надеялся, что она сменит гнев на милость и на этот раз.

В машине воцарилось молчание. У Хорхе достало такта не нарушать его. В конце концов Эйнсли мрачно сказал:

– Моя жена нарадоваться не может, что вышла замуж за полицейского.

– Сильно рассердилась? – сочувственно спросил Хорхе.

– Вне себя, хотя я никак не возьму в толк с чего бы, – криво усмехнулся Эйнсли. – Вся моя вина лишь в том, что я испортил семье отпуск, потому что мне надо встретиться с убийцей, который утром будет мертв. На моем месте любой добропорядочный отец семейства поступил бы так же, верно?

– Но ведь вы работаете в отделе убийств, – пожал плечами Хорхе. – Есть вещи, от которых мы не можем отказаться. Посторонний не всегда это поймет... Нет, я лично никогда не женюсь, – резюмировал он решительно.

При этом Хорхе вдруг резко нажал на акселератор и обошел слева одну машину, подрезав при этом другую. Ее водитель возмущенно засигналил.

– Осторожнее, ради всего святого! – зарычал Эйнсли. Затем он повернулся и взмахнул рукой в надежде, что обиженный водитель воспримет этот жест как извинение. – К смерти приговорен Дойл, а не мы с тобой, – сказал он уже более спокойно.

– Извините, сержант, – нахмурился Хорхе. – Немного увлекся гонкой.

Эйнсли понял, что Лео Ньюболд был прав. Хорхе действительно иногда опасен за рулем, но это несколько не умаляло его чисто кубинского обаяния. На слабый пол оно действовало особенно сильно. Каждая из тех потрясающе красивых женщин, с которыми он встречался, была от него без ума, но по неясным причинам он всякий раз быстро находил ей замену.

– И с твоими замашками ты еще думаешь о женитьбе? – спросил Эйнсли.

– Должен же я рассмотреть все варианты.

– Ты и рассматриваешь, донжуан эдакий! Я заметил вчера, даже Эрнестина

не смогла устоять перед твоими чарами.

– Эрнестина – обычная шлюха, сержант. Банкноты в бумажнике, вот и все чары.

– У меня тоже были при себе деньги, но со мной она не заигрывала.

– Верно. Это потому, что.., не знаю, как сказать... Потому что вас все уважают. Для такой девицы это было бы все равно что строить глазки родному дядюшке.

Эйнсли только улыбнулся.

– Ты вчера хорошо поработал, Хорхе. Я был горд за тебя, – сказал он и откинулся на спинку сиденья...

***

Пожилой турист Вернер Нойхаус взял напрокат “кадиллак” для прогулки по Майами и заплутал в переплетении пронумерованных улиц города, многие из которых в придачу к номеру имеют еще и название, а иногда и не одно. Потеряться в Майами немудрено даже для местного жителя. На свою беду, незадачливый немец заехал в Овертаун – недоброй славы район, – где на него напали, ограбили и застрелили. Тело преступники выбросили из машины, а “кадиллак” угнали. Бессмысленное и жестокое убийство. Если мотивом мерзавцев было ограбление, они без труда могли завладеть деньгами туриста, не убивая его.

Похищенный автомобиль был сразу же объявлен в розыск.

Поскольку убийство иностранца было чревато международными осложнениями, “отцы города” – мэр, члены городского совета и начальник полиции – потребовали раскрыть это дело как можно скорее. Конечно, урон репутации Майами уже был нанесен, но быстрый арест убийцы мог бы поправить дело.

На следующее утро Хорхе вместе с Малколмом Эйнсли в поисках, если не улики, то хотя бы свидетелей, принялись кружить по Овертауну в машине без полицейской маркировки. Эйнсли поручил дело своему подчиненному, и на углу Третьей Северо-Восточной авеню и Четырнадцатой улицы тот приметил двоих торговцев наркотиками, знакомых ему по кличкам Верзила Ник и Коротышка Спадмен. По удачному стечению обстоятельств у полицейских имелся ордер на арест Коротышки по обвинению в хулиганстве.

Хорхе выскочил из машины первым, Эйнсли последовал за ним. Когда они приблизились к этой парочке с двух сторон, отрезая путь к бегству, Ник что-то быстро спрятал в карман брюк. Детективов встретил его вполне безмятежный взгляд.

– Привет, Ник, как бизнес? – начал Хорхе. Реакция была не слишком

дружелюбной:

– Ладно, говори сразу, чего к нам прицепились? Все четверо напряженно глядели друг на друга. Каждый прекрасно знал, что, если полицейские воспользуются своим правом на обыск, они обнаружат наркотики и, по всей вероятности, оружие. В последнем случае торговцам, за которыми уже числилось в прошлом немало грехов, грозили приличные сроки за решеткой.

Хорхе спросил у Спадмена, который в самом деле был коротышкой, с отмеченным оспинами лицом:

– Тебе что-нибудь известно о вчерашнем убийстве туриста из Германии?

– Да, о нем передавали по ящику. Гады они, скажу я тебе, те, кто туристов обижает. Суки просто...

– А что тут у вас болтают об этом?

– Так, разное...

– У вас, парни, есть возможность здорово помочь самим себе, если назовете нам их имена, – вмешался Эйнсли.

Предложение прозвучало недвусмысленно: ты – мне, я – тебе. С точки зрения коллег Эйнсли и Родригеса, раскрыть убийство было важнее всего. За предоставленную информацию они готовы были закрыть глаза на менее значительные правонарушения, даже забыть об ордере на арест.

Но Верзила Ник уперся:

– Да не знаем мы никаких имен, начальник.

– Тогда придется поехать с нами в участок. – Хорхе сделал жест в сторону машины.

Ник и Спадмен не могли не знать, что в полиции их обшарят с ног до головы, а от ордера на арест там уже никуда не деться.

– Постой-ка, – сказал Коротышка, – я тут прошлой ночью слышал, как б...

языками трепали. Какого-то белого лося завалили, говорят, а машину того..., угнали. Вроде двое их было...

– Девчонки видели, как это произошло? – спросил Хорхе.

Коротышка только пожал плечами:

– Может быть.

– Как их зовут?

– Эрнестина Смарт, а., у второй прозвище Огонек.

– Как их разыскать?

– Про подружку не знаю, а Эрнестина ночует на углу Ривер и Третьей.

– Это ты про ночлежку, что между Третьей авеню и Норт Ривер? – спросил Хорхе.

– Ага.

– Смотрите, если соврали, мы вас из-под земли достанем, – напутствовал Хорхе парочку на прощание. – А если все точно, с нас причитается.

Полицейские вернулись к машине. Им потребовался еще час, чтобы разыскать проститутку.

Вдоль реки Майами, в том месте, где ее пересекало шоссе И-95, было устроено пристанище для бездомных, прежде здесь располагалась большая городская автостоянка, и десятки старых счетчиков для оплаты парковки нелепо торчали среди бесчисленных картонных коробок и прочих утлых укрытий от дождя и ветра; вонь и грязь дополняли общее впечатление. Это было дно жизни, а кто обитает на дне? Подонки...

Эйнсли и Родригес выбрались из машины с брезгливой осторожностью, памятуя, что здесь на каждом шагу можно вляпаться в кучу дерьма. Как им уже удалось выяснить, Эрнестина Смарт и Огонек обитали в большом фанерном контейнере, в котором, судя по маркировке, когда-то перевозили автопокрышки. Теперь контейнер пристроился на краю трущоб у самой

реки, в нем была прорезана дверь, а на двери снаружи висел амбарный замок.

Пришлось двигаться дальше. Обследовав “шлюходром” – пересечения бульвара Бискэйн с Восьмой Северо-Восточной и Одиннадцатой улицами, угол Ист-Флаглер и Третьей авеню, – они опросили нескольких “дневных бабочек” и узнали, что ни Эрнестину, ни ее подружку в этот день никто не видел. В итоге пришлось возвращаться в трущобы.

На этот раз дверь была открыта. Хорхе отважно просунул голову в темноту:

– Эй, Эрнестина! Привет! Это твой друг из полиции. Как делишки?

Сипловатый голос не замедлил с ответом:

– Кабы делишки шли хорошо, разве гнила бы я в этой дыре? Не хочешь мной попользоваться, легавый? Я тебе дам со скидкой.

– Какая жалость! Как нарочно, сейчас очень занят. Убийство вот расследую. Болтают, ты и Огонек были там, когда это произошло, все видели.

Эрнестина решила показаться на свет Божий. Хорхе сразу понял, что ей едва исполнилось двадцать, хотя повадки ее скорее пошли бы женщине вдвое старше. Эта чернокожая девушка сошла бы за красавицу, если бы не опухшее лицо и несколько резких преждевременных морщин. Фигура же ее по-прежнему была хороша. Чуть мешковатый белый тренировочный костюм не мог скрыть стройных форм и крепкой, красиво очерченной груди. Она всмотрелась в Хорхе, и в глазах ее вспыхнул интерес.

– Я много чего видела, – сказала Эрнестина. – Всего и не упомнишь.

– Может, вспомнишь, если я помогу? Эрнестина попыталась состроить улыбку женщины-загадки. Хорхе знал, что ответом будет “да”.

С проститутками всегда так, потому-то детективы и стараются с ними дружить. Эти девицы наблюдательны и готовы выложить все, что знают, если полицейский придется им по душе или предложит выгодную сделку. Нет, добровольно на сотрудничества с полицией они, конечно, не пойдут. Нужно уметь к месту и вовремя задать вопросы. И Хорхе начал

прощупывать почву:

– Ты случайно не работала прошлой ночью в районе Третьей Северо-Восточной и Двенадцатой улиц?

– Все может быть... А что?

– Я подумал, вдруг ты видела, как двое мужчин напали на пожилого белого, застрелили его и укатили на его машине.

– Двоих мужчин не видела, врать не буду, а вот одного из наших с размазанной белой куклой – видела... Они и пришили старичка.

Хорхе посмотрел на Эйнсли. Тот кивнул. Дело начало раскручиваться.

– Давай проясним, – продолжил Хорхе. – Речь идет о чернокожем мужчине и белой женщине?

– Ну... – Эрнестина разглядывала его в упор. – Ты и дальше хочешь, чтобы я тут тебе пела за так?

– Смотря что напоешь. Если что-нибудь дельное, сотню получишь наверняка.

– Классно. – Она осталась довольна услышанным.

– Тебе известны их имена?

– Черного придурка кличут Кермит-Лягушонок. Он смахивает на лягушку, лупоглазый. Смех, да и только... А вообще-то он опасный, с такими даже мы не связываемся.

– А женщина?

– Слышала, что звать ее Мэгги. Она все время с Кермитом таскается. Торчат они почти всегда в забегаловке на Восьмой. Их там уже пару раз брали за наркоту.

– Если я привезу фотографии, сможешь их опознать?

– А то! Но только для тебя, дорогуша. – Эрнестина протянула руку и

погладила Хорхе по щеке. – Ишь какой хорошенький...

Он улыбнулся, продолжая гнуть свое:

– Огонек тоже нам поможет?

– Поди и спроси его самого.

– Его?! – Хорхе чуть не подскочил от изумления.

– Наш Огонек – мужик в юбке, – объяснила Эрнестина. – По-настоящему его зовут Джимми Макрэй.

– Черт, одним свидетелем меньше, – мрачно прокомментировал известие Эйнсли.

Хорхе кивнул. Трансвеститы не были особой редкостью среди многообразия типов преступного мира Майами. Огонек занимался проституцией. Нечего было и думать предъявлять такого свидетеля в суде. Присяжных от него попросту стошнит. Огонек, стало быть, не в счет... Ладно, зато Эрнестина вполне годится в свидетели, а им, может, удастся найти еще кого-нибудь.

– Если твои показания подтвердятся, – сказал Хорхе, – через пару дней завезу тебе деньги.

Ничего необычного во всем этом не было. Любой сыщик имел доступ к фонду на “непредвиденные расходы”, из которого и оплачивались услуги осведомителей.

В этот момент ожил радиотелефон Эйнсли:

– Девятнадцать-десять, ответьте. Вызываю номер девятнадцать-десять.

– На приеме, – отозвался он.

– Срочно свяжитесь со своим командиром. Эйнсли набрал номер Лео Ньюболда.

– У нас есть новости по делу Нойхауса, – сообщил Ньюболд. – Полиция

штата задержала пропавшую машину и в ней двоих подозреваемых. Их скоро доставят сюда.

– Чернокожий по имени Кермит и белая, которую зовут Мэгги? – спросил Эйнсли, вновь бегло сверившись со своими записями.

– Точно, они самые! Откуда знаешь?

– Хорхе Родригес сумел найти свидетельницу. Она проститутка. Обещает помочь с опознанием.

– Передай Хорхе, что он молодец. А сейчас возвращайтесь в отдел. Нужно покончить с этим делом как можно скорее.

***

Постепенно картина прояснилась. Бдительный патрульный из полицейских сил штата Флорида, который добросовестно ознакомился накануне с ориентировкой, поступившей из Майами, задержал объявленный в розыск автомобиль и арестовал находившуюся в нем парочку. Это были Кермит Капрум, девятнадцати лет, и Мэгги Тори, двадцати трех лет. У каждого из них при аресте изъяли по револьверу тридцать восьмого калибра. Оружие сразу было отправлено на баллистическую экспертизу.

В полиции штата они показали, что за час до ареста обнаружили брошенный автомобиль с ключом в замке зажигания и потехи ради решили прокатиться. Ложь была примитивной, но патрульные не стали оспаривать эту версию, понимая, что дело нужно передать в отдел по расследованию убийств. Там знают, какие вопросы задавать подозреваемым.

Когда Эйнсли и Родригес прибыли к себе в управление, Капрум и Торн были уже там – их поместили в два кабинета для допросов. Компьютер показал, что оба привлекались к суду: Торн отбыла срок за воровство и имела несколько приводов за проституцию, Капрум в прошлом был осужден дважды – за кражу и хулиганство. Скорее всего, числились за ними правонарушения и в подростковом возрасте.

***

Отдел по расследованию убийств полицейского управления Майами был абсолютно не похож на полицейские участки из телесериалов, которые наполнены шумом, суетой и вообще напоминают проходной двор. Конечно, и в расположенный на пятом этаже отдел по расследованию убийств можно было подняться на лифте прямо из главного вестибюля здания, однако двери лифта на пятом этаже открывались лишь перед обладателями специальных карточек-ключей. Иметь такие ключи полагалось только сотрудникам отдела и нескольким высшим чинам управления. Все остальные полицейские или прочие посетители обязаны были уведомлять о своем визите заранее, но и тогда их сопровождал кто-нибудь из отдела. Подследственные и подозреваемые доставлялись через особо охраняемый вход в подвале здания и затем – спецлифтом прямо в отдел. Эти меры позволяли создать атмосферу для спокойной и четкой работы.

Через большое прозрачное только с одной стороны стекло Хорхе Родригес и Малколм Эйнсли могли видеть обоих задержанных в двух смежных комнатах.

– Нужно, чтобы кто-то из них признался, – заметил Эйнсли.

– Предоставьте это мне, – отозвался Хорхе.

– Ты хочешь допросить обоих?

– Да. Я бы начал с девицы. Ничего, если я буду с ней один на один?

Обычно подозреваемых в убийстве допрашивали сразу два детектива, но Хорхе уже несколько раз удавалось столь успешно действовать в одиночку, что спорить с ним Эйнсли не хотелось, особенно сейчас.

– Приступай, – кивнул он.

Эйнсли мог видеть и слышать все детали первого допроса Мэгги Торн.

Болезненно бледная, она казалась моложе своих двадцати трех лет. На ней были рваные засаленные джинсы и такая же несвежая футболка. “А ведь если ее умыть и переодеть, она будет даже хороша собой”, – подумал Эйнсли. В своем же нынешнем виде Мэгги производила впечатление личности опустившейся и потерянной. Она нервно раскачивалась на металлическом стуле, к которому ее приковали наручниками. Когда вошел Хорхе, она загремела цепочкой и закричала:

– Какого лешего на меня это нацепили?

С небрежной улыбкой Хорхе снял с нее наручники.

– Привет, как самочувствие? Я – детектив Родригес. Хотите чашку кофе или сигарету?

Мэгги помассировала затекшие запястья и попросила кофе с молоком и сахаром. Внешне она чуть расслабилась, хотя по-прежнему была настороже. “Расколоть этот орешек будет непросто”, – решил про себя Эйнсли.

По своему обыкновению Хорхе принес с собой термос, пару пластиковых стаканчиков и пачку сигарет. Он разливал кофе по стаканчикам, но при этом не умолкал:

– Вы, стало быть, не курите? Я тоже. Табак – опасная вещь... (“Ее револьвер куда опаснее”, – мелькнула мысль у Эйнсли.) .. А вот кофе у меня, увы, черный... Слушай, давай на “ты”? Можно, я буду называть тебя просто Мэгги?.. Вот и отлично! А я – Хорхе... Знаешь, я бы рад тебе помочь, но пока не знаю как. Хотя мы с тобой вполне могли бы помочь друг другу... Сказать по правде, Мэгги, влипла ты здорово, но мне, может, удастся что-нибудь для тебя сделать...

Эйнсли слушал, стоя по другую сторону стеклянной стены и нетерпеливо постукивая носком ботинка. “Давай же, Хорхе, переходи к “предупреждению Миранды”, – мысленно подгонял он, зная, что допрос не может продолжаться, пока Хорхе не информировал Мэгги Тори о ее правах, включая право на адвоката. Само собой, что на этой, во многом критической стадии допроса меньше всего хочет детектив, чтобы появился крючкотвор-законник, а потому сыщики из отдела по расследованию убийств всегда старались зачитывать подозреваемым список их прав таким

образом, чтобы они не вздумали потребовать себе адвоката немедленно.

Способность Хорхе добиваться этого уже успела обрасти легендами.

Он начал с предварительной беседы (закон это допускает), в которой получил основные сведения о подозреваемой: имя, домашний адрес, дату рождения, род занятий, номер карточки социального страхования. Но беседу он вел нарочито медленно, позволяя себе отступления и комментарии.

– Так ты родилась в августе, Мэгги? Я ведь тоже августовский. Мы с тобой Львы, хотя я лично считаю все эти гороскопы полной чепухой, а ты?

Как ни мягко стелил Хорхе, девица все еще смотрела на него с недоверием. Беседа продолжалась, Хорхе пока даже не упомянул о преступлении, которое расследовал.

– Расскажи еще немного о себе, Мэгги. Ты замужем?.. Нет? Вот и я не женат. Еще успеется... Ну, а дружок у тебя есть? Это Кермит? Не скрою, у Кермита сейчас тоже крупные неприятности, и он мало чем может помочь тебе. Может, из-за него ты и попала сюда... А где сейчас твоя матушка?.. Ах, ты ее никогда не видела! А папаша?.. Все, все, о них больше ни слова!..

Хорхе подсел к девушке поближе, по временам легко и как будто случайно прикасаясь к ее руке или плечу. Случалось, он и вовсе держал подозреваемую за руку в течение всего допроса, да так нежно, что у той слезы на глаза наворачивались, но с Торн, девицей явно очерстневшей, этот номер не прошел бы. К тому же предварительная беседа не могла продолжаться до бесконечности.

– Может, мне кому-нибудь позвонить от твоего имени, Мэгги?.. Нет? Что ж, если передумаешь, только скажи...

За стеклянной стенкой Эйнсли продолжал изнывать от нетерпения: скорее бы Хорхе покончил с формальным оглашением прав подозреваемой! Эйнсли успел разглядеть девушку. Ее лицо казалось ему знакомым, но как он ни ворошил свою память, узнать не мог. Это ускользающее воспоминание действовало ему на нервы.

– ..Ладно, Мэгги, нам еще много о чем нужно поговорить, но сначала я

должен спросить тебя... Ты хотела бы, чтобы мы продолжали наш разговор наедине, без всяких адвокатов?

В этот момент Хорхе был на волосок от нарушения закона, но...

Торн едва заметно кивнула.

– Вот и хорошо. Мне тоже хочется продолжать без помех. Давай покончим с формальностями... Ты, наверное, знаешь наши правила. Поэтому для протокола я обязан сказать тебе, Мэгги, что ты имеешь право хранить молчание...

Отклонения от официальной формулировки допускались. В устах Хорхе она далее прозвучала так:

– Ты можешь отказаться говорить со мной и отвечать на мои вопросы. Все, что ты скажешь с этой минуты, может быть использовано против тебя в суде. Ты имеешь право воспользоваться услугами адвоката в любое время. Если ты не располагаешь для этого средствами, помощь адвоката будет предоставлена тебе бесплатно.

Эйнсли слушал внимательно. Кто знает, позже ему, возможно, придется подтвердить в суде, что “предупреждение Миранды” было сделано в полном соответствии с законом. И не имеет значения, что Хорхе пробубнил его быстро и небрежно. Нужные слова были произнесены, хотя Мэгги Торн вряд ли их слышала. Хорхе должен был сейчас сделать свой второй ход.

– Теперь, Мэгги, мы либо продолжаем беседу дальше, либо я возвращаюсь в свой офис, и больше мы с тобой не увидимся.

На ее лице читалось сомнение: что будет, если этот обходительный парень ее бросит? От Хорхе это не укрылось. Он был в полушаге от успеха.

– Ты хорошо поняла, что я тебе сказал, Мэгги?.. Ты уверена?.. Отлично, значит, с этим мы покончили... Хотя вот еще что! Мне нужно, чтобы ты подписала эту бумажку. Она всего лишь повторяет сказанное мною.

Торн подмахнула официальный бланк, подтвердив каракулями, что она была ознакомлена со своими правами и добровольно предпочла беседовать с детективом Родригесом без адвоката.

Эйнсли отложил в сторону записи, которые вел все время. Хорхе своего добился, и Эйнсли, уже уверенный в виновности этих двоих, не сомневался теперь и в том, что в течение ближайшего часа в его распоряжении будет по крайней мере один протокол с признанием...

Он ошибался: через час признались оба.

***

По мере того как Хорхе продолжал работать с подозреваемыми – сначала с Торн, а потом в соседнем помещении с Капрумом, становилось все очевиднее, что у преступников отсутствовал какой-либо план действий. Потому-то они и совершили убийство, хотя могли ограничиться ограблением. Не меньшей глупостью была и та ложь, которую они нагромодили, чтобы уйти от ответа, – им самим она могла казаться вполне правдоподобной, но только не искушенным сыщикам.

– Кстати, о той машине, в которой ты ехала с Кермитом, когда вас повязали, – так вел Хорхе дальше свой разговор с Мэгги Торн. – Патрульному ты сказала, что вы набрали на нее за несколько минут до того, увидели ключи в замке и решили покататься... Но у нас есть свидетель, который заметил вас в этой машине еще прошлой ночью, видел, как все произошло. К тому же, в машине найдено более десятка пустых банок из-под напитков и разных оберток. Со всего этого хозяйства мы снимем отпечатки пальцев. Что если там окажутся ваши с Кермитом пальчики?.. Нет, Мэгги, это как раз доказательство. Нами будет установлено, что вы находились в машине куда дольше, чем те несколько минут, о которых ты толкуешь.

Хорхе попивал кофе и ждал. Торн отхлебнула из своей чашки.

– И вот еще что, Мэгги. При обыске у тебя нашли приличную сумму – больше семисот долларов. Не скажешь, откуда у тебя эти деньги?.. Где ты могла их заработать?.. Неужели? Неплохо для случайных заработков. Можешь назвать своих работодателей?.. Всех и не надо, назови одного-двух, чтобы мы проверили... Никого не помнишь? Я вижу, ты совсем не хочешь помочь самой себе, Мэгги.

Ладно, пойдем дальше. Кроме долларов, при тебе обнаружены дойчмарки. Где ты их взяла?.. Дойчмарки, Мэгги, – это немецкие деньги. Давно ты из Германии?.. Брось, Мэгги, этого ты не могла забыть! Это ведь деньги Нойхауса, так? Это ты его застрелила из своего револьвера, Мэгги?

Экспертиза все равно определит, из какого ствола стреляли.

Я с тобой по-дружески разговариваю, Мэгги. Ты попала в беду, большую беду, и самой пора это понять. Я бы очень хотел тебе помочь, но для этого ты должна говорить мне правду... На, попей еще кофейку.., подумай, Мэгги. Скажешь правду, всем станет легко, тебе в первую очередь. Потому что как только я узнаю правду, я дам тебе толковый совет, что делать дальше...

И совсем другая, более жесткая линия поведения, отметил Эйнсли, при допросе Кермита; у того действительно глаза навывкате напоминали лягушачьи.

– Что ж, Кермит, я уже битый час слушаю, как ты отвечаешь на мои вопросы. Мы оба знаем, что все твои показания ни хрена не стоят. Забудем об этом и рассмотрим факты. Вы со своей подружкой Мэгги тормознули машину несчастного старика, ограбили его, а потом убили. Теперь я уже могу сказать тебе, что Мэгги раскололась. У меня есть подписанный ею протокол, где она утверждает, что ты был зачинщиком преступления и что именно ты застрелил мистера Нойхауса...

Девятнадцатилетний Капрум вскочил на ноги и завопил:

– Эта сука лжет! Это она его прикончила, она меня втравила...

– А ну-ка, стоп! Замолчи, Капрум! Успокойся и сядь на место!

Хорхе вытянул счастливый билет, подумал Эйнсли. Капрум попался в ловушку, решил, что Мэгги предала его, и теперь торопился доложить свою версию событий. Если бы не бедняга немец, все это было бы даже забавно.

Предупреждение о его правах Капруму было уже зачитано. Никакой необходимости повторять его.

– Стало быть теперь, Кермит, ты готов рассказать, что произошло, на этот раз правду? В твоём положении так будет лучше... О'кей, начнем с того, как ты и Торн захватили машину... Ладно, я запишу имя Торн первым, если ты настаиваешь... Итак, где вы оба были, когда...

И Хорхе принялся записывать показания Капрума, который говорил

быстро, сбивчиво, совершенно забыв о возможных последствиях, не понимая, что совершенно не важно, кто что делал, ведь им предъявят обвинение в сговоре с целью预умышленного убийства. Когда Хорхе спросил, зачем им вообще понадобилось стрелять, Капрум ответил так:

– Этот старый козел понес на нас! Поливал нас грязью на своем тарабарском языке... Не мог заткнуть свою поганую пасть, понимаешь?

Когда допрос был закончен, Хорхе протянул Капруму ручку, и тот подписался под полным признанием своей вины. Несколько часов спустя эксперты-баллистики дали заключение, что из трех пуль, обнаруженных в теле немца, одна была выпущена из револьвера Капрума, а две – Мэгги. Медики определили, что если выстрел Капрума только ранил туриста, то от любой из двух пуль Мэгги наступила немедленная смерть.

Эйнсли отвлекли другие дела. Он вернулся в тот момент, когда Хорхе во второй раз допрашивал Мэгги Тори. Под конец девица серьезно спросила:

– Что с нами теперь будет? Может, дадут условно? Хорхе и не пытался отвечать. Понятно почему. Что он мог сказать человеку, который до такой степени не осознавал всей тяжести совершенного преступления и неизбежности скорого и грозного возмездия! Разве мог он сказать этой девушке:

– Какое там условно! Тебя не только под залог не выпустят, но ты скорее всего вообще никогда уже не выйдешь на свободу. Наиболее же вероятно, что суд признает вас обоих виновными в убийстве и приговорит к смерти на электрическом стуле.

***

Само собой, адвокаты в суде будут с пеной у рта доказывать, что признания Тори и Капрума были сделаны под давлением, что их ввели в заблуждение... И в этом будет доля правды, признавал про себя Эйнсли.

Однако любой судья, заручившись подтверждением, что подозреваемых информировали об их правах, снимет все возражения защиты, и признания останутся в силе. Что же касается “введения в заблуждение”, то с годами Эйнсли понял, что иногда без этого не обойтись. При расследовании многих особо тяжких преступлений трудно добыть окончательные, стопроцентные улики, и ловкие адвокаты не раз помогали виновным избежать наказания. Взять хотя бы дело О'Джей Симпсона. Признания же Торн и Капрума, каким бы путем они ни были получены, помогут свершиться правосудию, а с точки зрения общественных интересов, как их понимал Эйнсли, только это имело значение.

***

Подобные размышления вернули Эйнсли к мыслям об Элрое Дойле и той причине, что побудила его самого отправиться в бесконечную ночную поездку. И опять, уже в который раз после телефонного звонка из Рэйфорда, он задавался вопросом: какое признание ему предстоит выслушать?

Эйнсли всмотрелся в дорожные указатели. Их автомобиль выехал на Флоридское шоссе. Отсюда было около трехсот километров до Орлавдо – первого большого города на их пути.

Глава 3

Малколм Эйнсли, который задремал, как только они миновали Форт-Лодердейл, проснулся от толчка: то ли выбоина в полотне, то ли енот попал под колесо – по ночам они во множестве перебегали шоссе. Он потянулся и сел повыше, затем посмотрел на часы: десять минут первого. Впереди замаячил поворот на Уэст-Палм-Бич. Значит, треть пути до Орlando позади. Хорхе вел машину в крайнем левом ряду, движение на шоссе было достаточно оживленным.

Эйнсли взялся за телефонную трубку и набрал номер лейтенанта Ньюболда. Когда тот ответил, Эйнсли сказал:

– Доброй ночи, сэр. На связи лучшие кадры полиции Майами.

– Привет, Малколм. Все в порядке?

– Этот сумасшедший кубинец пока меня не угробил, – ответил Эйнсли, покосившись на водителя. Ньюболд хихикнул в трубку, а потом сказал:

– Слушай, я изучил расписание самолетов и заказал для тебя билеты. Думаю, ты сможешь добраться до Торонто завтра во второй половине дня.

– Вот это хорошая новость, лейтенант, спасибо! – Эйнсли занес в блокнот необходимые детали: рейс компании “Дельта” в десять ноль пять из Джексонвилла до Атланты, там пересадка на самолет “Эйр Канада” до Торонто. Он попадет туда лишь двумя часами позже, чем его семья, отметил Эйнсли с немалым облегчением. Придется, правда, пропустить семейный обед: родители Карен жили более чем в часе езды от торонтского аэропорта Пирсон, но он присоединится ко всем за ужином; для этого времени более чем достаточно.

– Пусть Родригес довезет тебя до Джексонвилла. Это меньше ста

километров, вполне успеешь, – продолжал Ньюболд. – Когда вернешься, мы оплатим тебе дополнительные расходы на билеты.

– Это может отчасти примирить меня с Карен.

– Она огорчена? – спросил Ньюболд.

– Не то слово.

– Моя Девайна тоже устраивает мне веселую жизнь, когда я застреваю на работе. Трудно винить их за это, – вздохнул Ньюболд. – Кстати, я позвонил в тюрьму штата. Они обещали пропустить тебя без обычных формальностей, это ускорит твою встречу со Зверем.

– Отлично!

– Они только попросили, чтобы на подъезде к Рэйфорду ты позвонил лейтенанту Нилу Хэмбрику. Мне дали номер его телефона.

– Очень хорошо, лейтенант, еще раз спасибо, – сказал Эйнсли, записав номер.

– Счастливого добраться до Торонто...

Отключив телефон, Эйнсли отметил про себя, что Ньюболду неизменно удастся сохранять прекрасные отношения со своими подчиненными. Как практически все в их отделе, Эйнсли относился с симпатией и уважением к этому полицейскому, у которого за плечами были двадцать четыре года службы. И это при том, что семья Ньюболдов эмигрировала в Штаты с Ямайки всего тридцать лет назад. Лео Ньюболду было тогда пятнадцать. Потом он учился в университете Майами, избрав специальностью криминалистику, а в двадцать два стал полицейским. Благодаря принадлежности к черной расе и реформам восьмидесятых годов Лео Ньюболд быстро получил лейтенанта, но, в отличие от многих других подобных повышений, это не было встречено белыми коллегами в штыки. Все сочли это признанием способностей и трудолюбия Ньюболда, который возглавлял отдел по расследованию убийств полиции Майами вот уже восьмой год.

***

К удивлению Малколма, когда он позвонил, Карен спала, он сообщил свое расписание на завтра и велел ей снова немедленно ложиться, сказав на прощание:

– Увидимся завтра часа в четыре.

– Поверю, только когда в самом деле увижу тебя, – голос был заспанный, но в нем улавливались нотки нежности.

Эйнсли погрузился в размышления, из которых его скоро вывел Хорхе:

– Вы все еще католик, сержант?

– Прости, что ты сказал? – Вопрос застал его врасплох.

Хорхе обогнал очередной длинномерный трейлер, какие часто попадались на шоссе в это время суток, и пояснил:

– Вы же были когда-то священником, потом ушли... Бот я и интересуюсь, католик вы или уже нет?

– Уже нет.

– Все равно, как бывший католик, что вы думаете об этой поездке?.. О смертной казни?.. Вот вы едете посмотреть в глаза Зверю, Дойлу, перед тем как его посадят на электрический стул, а сами знаете, что вы самолично довели дело до этого.

– Ну и вопросы ты задаешь на ночь глядя!

– Хорошо, – пожал плечами Хорхе, – не отвечайте, если не хотите. Я же все понимаю.

Эйнсли медлил. Когда в тридцатилетнем возрасте он сложил с себя сан,

хотя имел богословское образование, был доктором философии и пять лет приходским священником, он постарался вообще забыть о религии. Как отрезал... Что же до причин, то ими он поделился лишь с самыми близкими людьми, а при остальных не особенно распространялся об этом, не имея желания влиять на чужие убеждения. Однако с течением времени он стал замечать, что готов отвечать на подобные вопросы.

– В известном смысле, – сказал он Хорхе, – разница между священниками и полицейскими не так уж велика. Священник старается, по крайней мере должен стараться, помогать людям, быть поборником справедливости и равенства. У нас, детективов, цель – поймать убийцу, доказать его вину, не дать уйти от наказания.

– Мне иной раз жаль, – признался Хорхе, – что я не умею об этом рассуждать так же четко, как у вас получается.

– Ты имеешь в виду смертную казнь?

– Именно. Ведь я, как ни крути, полицейский. Сколько в нашей стране сыщется полицейских, которые действительно против смертной казни? Двое, от силы трое... А с другой стороны, я католик, и моя Церковь учит, что казнить людей не правильно.

– А ты в этом твердо уверен, Хорхе? Если разобраться, любая религия лицемерна, потому что одобряет убийство, когда это служит ее целям. О да, в теории все великолепно. Жизнь – это Божественный дар, и людям не дано право отнимать ее. Не дано, но только пока выгодно Церкви.

– Разве это может быть ей невыгодно?

– Конечно! Возьми, к примеру, войны, когда люди, а вовсе не Бог, лишают жизни себе подобных. И все воюющие народы от ветхозаветных сынов Израилевых до нас, современных американцев, считают, что Бог на их стороне.

– Это вы в точку! – сказал Хорхе с довольной улыбкой. – Я, черт побери, и вправду хотел бы надеяться, что Он на моей стороне!

– Тогда я бы на твоём месте грешил поменьше.

– На моем? – удивился Хорхе. – Я-то что! Вот вы действительно сорвались с поводка, так ведь? Сомневаюсь, что вы у Папы Римского в первой десятке кандидатов в праведники.

– Что ж, – едва заметно улыбнулся Эйнсли, – я и сам в последние годы невысоко ставлю ватиканских правителей.

– Почему же?

– Не все придерживались тех правил, которые предписывали остальным. Взять хотя бы папу Пия XII, ты о нем наверняка слышал. Ведь он остался равнодушен к истреблению Гитлером евреев, не протестовал, хотя мог бы спасти множество жизней. Это только один из примеров того, как Церковь попустительствует убийствам просто потому, что не хочет вмешиваться.

– Да, родители говорили мне, что им было стыдно, когда об этом стало известно, – кивнул Хорхе. – Но только ведь, по-моему, недавно прошел слух о покаянии Церкви.

– Да, в девяносто четвертом году, но прожила эта сенсация ровно один день. В Израиле всплыл некий документ якобы из папской канцелярии, где говорилось, что Ватикан признает свою вину и скорбит о жертвах Холокоста. Но уже на следующий день Ватикан заявил: “Нет, это не наш документ. Может быть, когда-нибудь, в будущем”. Они, правда, извинились за Галилея.

– Я слышал что-то, но плохо знаю эту историю. Расскажите.

– В тысяча шестьсот тридцать третьем году Галилео Галилея обвинили в ереси и продержали под домашним арестом восемь лет, потому что он доказал, что Земля вращается вокруг Солнца, вопреки католической доктрине о Земле как неподвижном центре Вселенной. И вот в девяносто втором нашего столетия после “тринадцати лет изучения вопроса в Ватикане” – так было официально заявлено – папа Иоанн Павел II признал, что Церковь была не права. Признал то, что наукой было установлено несколько столетий назад!

– Неужели это правда? Церковь упрямилась с тысяча шестьсот тридцать третьего года?

– Триста пятьдесят с лишним лет! Ватикан никогда не спешит исповедаться в собственных грехах. Хорхе не сдержал смеха:

– А стоит мне попользоваться в пятницу презервативом, в субботу беги и кайся на исповеди. Эйнсли тоже улыбнулся:

– Воистину мы живем в обезумевшем мире. Но если вернуться к твоему вопросу, то я был против убийства в любой его форме, когда носил рясу, да и сейчас не одобряю. Однако же верю в силу закона, а пока смертная казнь узаконена, мне придется с этим мириться.

Последняя фраза Эйнсли еще висела в воздухе, как он сам вдруг подумал о той маленькой группе несогласных, – обвинение определило их как безответственных людей, – которые считали вину Дойла недоказанной, поскольку он не признал ее. С этим Эйнсли не мог согласиться. Он был убежден, что Дойла полностью изобличили. Но в чем же все-таки убийца собирается покаяться?

– Вы задержитесь, чтобы глянуть, как Дойла казнят? – спросил Хорхе.

– Надеюсь, нет. Разберемся, когда доедем. Хорхе помолчал, а потом выдал:

– По управлению гуляет слух, что вы написали книгу о религии. Говорят, шла нарасхват. Небось денег вам отвалили...

– На книге по сравнительному анализу религий не разживешься, – рассмеялся Эйнсли. – Тем более что я не единственный ее автор. Понятия не имею, сколько экземпляров успели продать, но книжку в самом деле перевели на многие языки, и ее можно найти в любой приличной библиотеке.

***

Часы на щитке приборов показывали два пятнадцать.

– Где мы? – спросил Эйнсли, когда понял, что опять на время впал в забытие.

– Только что проехали Орландо, сержант. Эйнсли лишь кивнул в ответ, припомнив куда более приятные поездки по этому же маршруту. Здесь по обе стороны дороги тянулись самые впечатляющие флоридские пейзажи. От Орландо до Уайлдвуда шоссе пересекало местность, официально считавшуюся ландшафтным парком. Сейчас тьма скрывала всю эту красоту: пологие холмы, словно перетекающие один в другой, с поросшими полевыми цветами склонами; высоченные корабельные сосны; фруктовые деревья в пестром цветении, среди которых могла вдруг открыться взгляду безмятежная гладь озерца; апельсиновые плантации, где ветки в это время года уже ломились от плодов.

Флорида, подумал Эйнсли не без удовольствия, превратилась в один из благословенных уголков планеты. Здесь, казалось, можно найти сейчас абсолютно все то новаторское, утонченное, артистичное и блестящее, что породила современная цивилизация, особенно в самом Майами, космополитичном, сумбурном, разросшемся. Но здесь же гнездились и все самое гнусное и злое, напомнил Эйнсли-романтику Эйнсли-реалист.

– Ты не устал? Может, мне сесть за руль? – спросил он Хорхе.

– Нет, я в порядке.

По подсчетам Эйнсли, они провели в пути три с лишним часа, преодолев значительно более половины расстояния до Рэйфорда. Даже при том, что скоро дорога станет похуже, они все равно сумеют добраться до места

примерно к пяти тридцати утра.

Казнь назначена на семь. Если в последний момент не придет указание отложить ее, а в случае с Дойлом это маловероятно, никаким другим способом задержать исполнение приговора не удастся.

***

Эйнсли снова откинулся на спинку сиденья, чтобы собраться с мыслями. Его воспоминания об Элрое Дойле и всех событиях, с ним связанных, походили на папку с уголовным делом, в которой кто-то перепутал страницы.

Он вспомнил, как полтора года назад он впервые увидел имя Дойла на дисплее – его выдал компьютер в числе возможных подозреваемых. Потом Дойл стал главным подозреваемым, а отдел по расследованию убийств занялся изучением его биографии с самого раннего детства.

Когда начались эти убийства, Элрою Дойлу было тридцать два. Он родился и вырос в Уинвуде – белом бедняцком районе Майами. Хотя Уинвуд не отмечен на картах города, его шестьдесят многоэтажек занимают целый квадратный километр почти в самом центре Майами. Здесь живут полунцие белые семьи, район пользуется дурной славой: хулиганство, грабежи, драки “стенка на стенку”.

А с юго-западной стороны к Уинвуду примыкает Овертаун, тоже не удостоенный упоминания на картах, где живет чернокожая беднота, но проблемы и репутация те же: ограбления, кражи, дебоши с битьем витрин.

Бьюла, мать Элроя Дойла, занималась проституцией и не брезговала наркотиками и спиртным. В минуты откровенности она не раз повторяла знакомым, что отцом ее мальчика мог быть любой из доброй сотни похотливых гадюк”, хотя позже самому Элрою сказала, что наиболее вероятный кандидат в его папашу отбывает пожизненный срок в тюрьме Белл-Глэйд. В детстве перед парнем прошла череда мужиков, сожительствовавших, кто подолгу, кто мимолетно, с его матушкой. Практически все по пьянке избивали его, а кое-кто и помогался.

С чего вообще Бьюла Дойл вздумала рожать после доброго десятка аборт, осталось загадкой. Ее собственное объяснение звучало так: “Руки не дошли от него избавиться, от паршивца такого”.

Впрочем, Бьюла была по-своему весьма практичной дамой и научила сына красть так, чтобы “не надрали задницу”. Элрой быстро усваивал ее уроки. В десять лет он специализировался на продуктах из супермаркетов, не упуская при этом случая запустить руку в чужой карман. В школе же он попросту отбирал деньги у других мальчишек. Это было нетрудно: в росте и телосложении он опережал свой возраст, а дрался яростно и с явным удовольствием.

Следуя советам Бьюлы, он научился искусно пользоваться многочисленными прорехами в законодательстве о малолетних правонарушителях. Его несколько раз брали с поличным, но тут же отпускали на поруки матери.

Позже Эйнсли стало известно, что Элрой Дойл впервые попал под подозрение в убийстве, когда ему было семнадцать. Его арестовали при попытке скрыться из квартала, где было совершено преступление, и привезли в участок для допроса. Поскольку Элрой считался несовершеннолетним, туда же доставили Бьюлу, в присутствии которой его допросили.

Если бы детективы сумели добыть против Элроя прямые улики, его обвинили бы в убийстве невзирая на возраст. Но Бьюла достаточно поднаторела в стычках с полицией, чтобы разрешить снять отпечатки пальцев сына, а они вполне могли совпасть с отпечатками на ноже, найденном на месте убийства. В конце концов за недостатком улик Дойла выпустили, а преступление так и осталось нераскрытым.

Вот так и получилось, что многие годы спустя, когда его стали подозревать в серии убийств, его отпечатки не были занесены в полицейскую картотеку.

В восемнадцать лет Элрой вступил в пору официального совершеннолетия. Приобретенный опыт позволил ему и дальше идти по скользкой дорожке, ни разу не оступившись. Он больше не попадался. Только значительно позже, когда его прежняя жизнь всерьез заинтересовала полицейских, они докопались до ее забытых или в свое время не замеченных эпизодов.

***

– Бензин кончается, сержант, – вторгся в его полусонные воспоминания голос Хорхе. – Давайте сделаем остановку в Уайлдвуде. Мы как раз к нему подъезжаем.

Было почти три часа утра.

– Ладно, но только заправляйся, как автогонщик на пит-стопе. А я куплю нам по стаканчику кофе.

– И хрустящего картофеля. Нет, лучше печенья. Это как раз то, что нам сейчас нужно.

Мальчишка, подумал Эйнсли. Не удивительно, что он порой относился к Хорхе по-отечески.

Они съехали с шоссе, и перед ними засияли рекламные огни сразу нескольких заправочных станций. В Уайлдвуде днем останавливались туристы, привлеченные десятком дешевых, правда не очень опрятных на вид, сувенирных лавок, а ночью здесь заправлялись дальнорейсовые грузовики.

Хорхе направил машину к ближайшей бензоколонке. Рядом с ней приютился круглосуточный ресторанчик быстрого обслуживания с собственной автостоянкой. Вокруг двух автомобилей сутились какие-то темные силуэты, человек пять-шесть. Когда сине-белый полицейский “шевроле” приблизился, они вскинули головы, чтобы всмотреться: кого там еще несет.

Потом вдруг с невероятной быстротой все изменилось. Группа бросилась врассыпную; заметались тени рук и ног.

Через несколько секунд захлопали двери, завизжали покрышки, и несколько машин рванули в темноту. Само собой, уходили они не по шоссе,

а в переплетенье улиц своего городка, где легче исчезнуть.

Двое полицейских повеселились на славу.

– Хотя одно доброе дело сегодня сделано, – подытожил Эйнсли. – Мы только что разогнали сходку торговцев наркотиками.

Они оба знали, что на этом шоссе было опасно ездить, особенно ночью. Здесь шуровали воры, наркодельцы, проститутки, грабители.

При виде полицейской машины все смылись. Эйнсли дал Хорхе денег на бензин, а сам зашел в ресторан купить кофе и две пачки печенья, не забыв попросить у кассирши счет. Даже за мелкие расходы им полагалась компенсация, не говоря уже о двойной оплате за сверхурочную работу: бухгалтерии придется раскошелиться за эту ночную поездку.

Потягивая кофе через соломинку, вставленную в крышку пластикового стакана, Хорхе вновь вывел машину на трассу.

Глава 4

В половине четвертого утра их “шевроле” по-прежнему стремительно мчался на север. Легковушек встречалось мало, транспортный поток преимущественно состоял из тяжеловозов. До места назначения оставалось еще около ста пятидесяти километров.

– Не волнуйтесь, сержант, теперь точно успеем. Без проблем!

Реплика Хорхе прозвучала как раз в тот момент, когда впервые со времени выезда из Майами Эйнсли почувствовал, что внутреннее напряжение спадает. Вглядываясь в темноту за окном, он ответил:

– Просто мне не терпится услышать, что он хочет сообщить.

Он имел в виду Дойла. Карен права, неожиданно подумал он. Его интерес к Дойлу действительно перерос чисто профессиональный. Побывав на местах всех совершенных Дойлом кровавых преступлений, проведя многие месяцы в охоте за убийцей и увидев под конец, что тот нисколько не раскаивается в содеянном, Эйнсли пришел к убеждению, что этому человеку не место на земле. Он хотел услышать, как Дойл признается в своих злодеяниях, а потом – вопреки тому, что Эйнсли говорил Хорхе совсем недавно, – он хотел увидеть, как Дойл умрет. Теперь приглашение на казнь было для него почти неизбежным.

– О, Господи! – воскликнул вдруг Хорхе. – Гляньте-ка, по-моему, впереди затор.

Движение на север становилось все медленнее, машины шли нос в нос. Те, что были впереди, замерли. По другую сторону заграждения шоссе в южном направлении было абсолютно пусто.

– Дьявол! Вот ведь дьявол! – Эйнсли в сердцах грохнул кулаком по панели

приборов.

Они тоже встали, перед ними тянулась длинная чередка красных габаритных огней. Еще дальше впереди поблескивали маячки дорожной полиции и “скорой помощи”.

– Езжай по обочине, – скомандовал Эйнсли. – Включи наш спецсигнал.

Хорхе щелкнул переключателем, проблесковый маячок на крыше пришел в действие, и сине-белый автомобиль стал медленно пробираться к правой обочине. Выбравшись на нее, они смогли хоть медленно, но верно продвигаться вперед. Остальные машины стояли, дверцы были открыты, некоторые водители выглядывали из них, пытаясь понять, из-за чего задержка.

– Поднажми! – приказал Эйнсли. – Время дорого! Но уже через несколько секунд они увидели перед собой сразу несколько патрульных автомобилей дорожной полиции штата, перекрывших шоссе полностью, включая и ту обочину, по которой к ним приблизилась сейчас машина полицейских из Майами. Лейтенант-дорожник жестом приказал им остановиться. Эйнсли вышел ему навстречу.

– Далековато вы забрались, ребята, – сказал лейтенант. – Сбились с пути?

– Никак нет, сэр. – Эйнсли показал ему свое удостоверение. – Мы направляемся в Рэйфорд и очень торопимся.

– Тогда вынужден вас огорчить, сержант. Эта дорога закрыта. Впереди серьезная авария. Большой бензовоз врезался в ограждение и перевернулся.

– Позвольте нам проскочить, лейтенант!

– Нет! – Тон офицера стал жестче. – Вы не представляете, о чем говорите. Там такое творится! Водитель бензовоза мертв. Скорее всего, погибли двое, находившиеся в легковой машине, которую он смял в гармошку. Цистерна дала большую течь. Двадцать тонн высокооктанового топлива растекаются по асфальту. Мы полностью остановили движение по шоссе. Не дай Бог, какой-нибудь идиот щелкнет зажигалкой! Машины пожарных скоро покроют это все пеной, но они еще в пути. Поэтому, уж извините, но я не могу вас пропустить.

Лейтенанта окликнул один из его подчиненных, а Эйнсли наклонился к Хорхе Родригесу:

– Придется менять маршрут.

Хорхе расстелил карту Флориды на капоте и сверился с ней. В ответ он покачал головой.

– Времени не хватит, сержант. Нам нужно изрядно отмахать назад по шоссе, а потом пробираться местными дорогами. Там не мудрено заплутать. Не лучше ли нам прокатиться поверх пены?

– Ничего не выйдет. Во-первых, пенообразующее средство “Ф” – это попросту мыло. На нем скользишь хуже, чем по льду. А внизу все равно останется бензин. Одна искра из нашей выхлопной трубы – и гореть нам в аду. Так что выбора нет, надо разворачиваться. Не теряй времени, поехали!

Когда они уже сели в машину, к ним бегом вернулся лейтенант дорожной полиции.

– Хочу вам помочь, – выпалил он на одном дыхании. – Я только что связался с нашим штабом. Их информировали, куда и зачем вы едете. Вот как вам лучше следовать дальше. Возвращайтесь отсюда на юг до Миканопи, туда ведет Семьдесят третья автострада. Затем берите курс на запад до Четыреста сорок первого шоссе. – Хорхе торопливо записывал указания лейтенанта. – До него вы доберетесь очень быстро. Поверните налево и поезжайте на север в сторону Гейнсвилла. Шоссе там отличное, есть где разогнаться. Не доезжая до Гейнсвилла, увидите пересечение с Триста тридцать первым шоссе. Там на светофоре свернете направо, и сразу на углу вас будет ждать наша машина. Фамилия патрульного Секьера. Следуйте за ним – он будет сопровождать вас до самого Рэйфорда.

– Спасибо, лейтенант, – кивнул в ответ Эйнсли. – Мы можем пользоваться мигалкой и сиреной?

– Включайте все, что есть на борту. Знаете, мы тут наслышаны о Дойле. Вы уж проследите, чтобы этого монстра поджарили по всем правилам.

Хорхе привел машину в движение. Обнаружив разрыв в разделительном ограждении, он выехал на противоположную сторону шоссе и вдавил

акселератор в пол. Сияя мигалкой, заывая сиреной, “шевроле” помчался назад на юг.

***

Теперь они действительно оказались в полнейшем цейтноте. Эйнсли понимал это. Хорхе тоже.

Задержка и объезд обойдутся им без малого в час. На приборной доске высвечивались цифры: 5.34. До казни Зверя оставалось меньше полутора часов. Даже если дальше все будет гладко, ехать им еще минут сорок. Стало быть, они прибудут в Рэйфорд в шесть четырнадцать. А ведь нужно еще попасть внутрь тюрьмы, дойти до камеры Дойла, плюс время на то, чтобы заключенного успели отвести к месту казни, а потом – пристегнуть к электрическому стулу. Словом, максимум на что мог рассчитывать Эйнсли, это полчаса.

Мало! Прискорбно мало!

Но придется уложиться.

Эйнсли не переставал чертыхаться про себя, испытывая непреодолимое желание заставить Хорхе ехать быстрее. Но это было едва ли возможно – Хорхе и без того держал предельную скорость. Да, вел он машину мастерски, не спуская глаз с дороги, плотно сжав губы, крепко вцепившись в руль обеими руками. Путеводитель он передал Эйнсли, который с помощью фонарика по мере надобности сверялся с ним. Четыреста сорок первое шоссе было значительно уже дороги И-75. К тому же, его пересекали трассы местного значения, да и движение оказалось оживленнее, чем можно было ожидать в такой час. Хорхе творил чудеса, экономя каждую секунду. Проблесковый маячок и сирена были им в помощь – многие водители, заметив их приближение в зеркало заднего вида, подавали вправо, освобождая путь. Начался мелкий дождь, стоило дороге нырнуть в низину, как ее окутывал туман, словом, скорость пришлось снижать.

– Черт! – заскрежетал зубами Эйнсли. – Нет, нам никак не успеть.

– Еще есть шанс. – Хорхе подался вперед и всмотрелся в дорогу, вновь набирая скорость. – Доверьтесь мне, сержант.

«Только это мне и остается, – подумал Эйнсли. – Сейчас свое слово должен сказать Хорхе, а мое – впереди, быть может... Нужно перестать дергаться, переключиться на что-нибудь другое. Думай о Дойле! Какой сюрприз он заготовил? Скажет наконец правду, которой от него так и не сумели добиться в суде?..»

***

Не было такой газеты в стране, которая не уделила бы внимания сенсационному судебному процессу по делу Элроя Дойла, отчеты о нем ежедневно показывали в теленовостях. Перед зданием суда практически непрерывно проходили демонстрации с требованием казнить злодея. Между репортерами шла ожесточенная борьба за те несколько мест в зале, которые были отведены для прессы.

Общественное негодование в особенности распалило решение прокурора штата предъявить Дойлу обвинение только в одном, самом последнем из совершенных им двойных убийств. Кингсли и Нелли Темпоун – состоятельная чернокожая супружеская пара, уже пожилая, – были зверски замучены в своем доме в Бэй Хайте, в фешенебельном районе Майами.

Выходило, что, если Дойла осудят за убийство этой четы, остальные десять преступлений, которые он совершил (а в этом ни у кого сомнений не было), так навсегда и останутся не раскрытыми.

Когда прокурор Адель Монтесино с одобрения своего руководства повела дело именно так, это вызвало бурю возмущения родственников остальных жертв, которые жаждали справедливости и отмщения за загубленные жизни своих близких. К критике этого решения сразу подключилась пресса, в которой Дойл еще до суда был признан виновным. Газеты и телевидение обычно не опасались последствий в таких ситуациях. “Где это слыхано, чтобы серийный убийца подавал в суд за клевету?” – заметил один из редакторов.

Атмосфера накалялась.

Стало известно, что даже начальник полиции Майами лично обращался в прокуратуру с просьбой включить в обвинительное заключение еще хотя бы одно двойное убийство.

Однако Адель Монтесино, невысокая, полная дама лет сорока пяти,

которую некоторые заглазно называли бой-бабой, упрямо стояла на своем. Она занимала свой выборный пост третий четырехлетний срок подряд, уже объявила, что не будет снова добиваться переизбрания, а потому могла себе позволить абсолютную независимость.

Сержант Малколм Эйнсли был в числе тех, кто присутствовал на обсуждении стратегии обвинения накануне суда, и сам слышал слова миссис Монтесино: “Только по делу Темпоунов мы имеем железные доказательства вины Дойла”.

И, загибая пальцы на руке, она перечислила ключевые моменты: “Дойла взяли на месте преступления. На нем обнаружены следы крови обеих жертв, а под ногтями частички кожи убитого мужчины. Мы имеем нож с отпечатками пальцев Дойла, который экспертиза определила как орудие убийства. И, наконец, у нас есть отличный свидетель, к которому присяжные отнесутся с доверием и состраданием. Ни один суд в мире не вынесет Дойлу оправдательный приговор”.

Упомянутым свидетелем был Айвен, двенадцатилетний внук Темпоунов. Он гостил у бабушки с дедушкой в тот день, когда Дойл ворвался в дом и напал на хозяев. Спрятавшись в соседней комнате, онемев от ужаса, мальчик сквозь неплотно прикрытую дверь видел, как убийца методично терзал ножом несчастных стариков. Хотя Айвен прекрасно понимал, что рискует тоже быть убитым, он нашел в себе мужество неслышно добраться до телефона и позвонить в службу 911.

Полиция прибыла слишком поздно, чтобы спасти Темпоунов, но Элрой Дойл был схвачен на месте преступления, весь залитый кровью своих жертв. Когда врачи вывели Айвена из шокового состояния, он так достоверно и четко рассказал об увиденном, что Адель Монтесино не сомневалась: его свидетельские показания в суде будут более чем убедительными.

"Теперь представьте, что мы выдвинем обвинение в остальных убийствах, – продолжала свою речь прокурор. – Ни по одному из них у нас нет стопроцентных, неопровержимых доказательств. Да, косвенных улик много. Мы можем доказать, что именно Дойл мог совершить эти преступления – всякий раз он находился поблизости и у него нет алиби. С места первого из этих убийств у нас есть частичный отпечаток ладони,

который почти наверняка принадлежит Дойлу, хотя специалисты по дактилоскопии обнаружили лишь семь совпадающих характеристик, а для стопроцентной идентификации требуется девять. Кроме того, доктор Санчес считает, что остальные жертвы были убиты другим ножом, не тем, что мы имеем в деле Темпоунов с отпечатками пальцев Дойла. Ясно, что убийца мог иметь несколько ножей, скорее всего, так оно и было. Беда в том, что полиции не удалось их обнаружить.

Любой адвокат мертвой хваткой вцепится в эти уязвимые места обвинения. А стоит породить у присяжных хоть тень сомнения в доказанности одного из убийств, они начнут сомневаться во всем, даже в нашем неопровержимом обвинении по делу Темпоунов.

Слушайте, одного этого дела достаточно, чтобы посадить Дойла на электрический стул, а казнить человека все равно можно только один раз, верно?"

Прокурор штата держалась своего плана, несмотря на все протесты. Одного она не предусмотрела: после суда ее отказ обвинить Дойла в остальных убийствах у многих, особенно у активистов движения за отмену смертной казни, создал впечатление, что над виновностью Дойла вообще изначально витал большой знак вопроса. Пошли слухи, что вина Дойла сомнительна даже в том единственном преступлении, за которое его осудили и приговорили к смерти. Да и сам суд сопровождался скандалами и ожесточенной полемикой, доходящей чуть ли не до драки.

Поскольку сам подсудимый не располагал средствами для защиты, судья Руди Оливадотти назначил ему в адвокаты Уилларда Стельцера – опытного специалиста по уголовным делам.

Среди юристов Майами Стельцер пользовался известностью не только как блестящий адвокат, но и благодаря эксцентричности манер и внешности. В свои сорок лет он упрямо отказывался приходить в суд одетым в соответствии с правилами, предпочитая костюмы и галстуки в стиле ретро. Его любимым периодом были пятидесятые. Где он умудрялся доставать соответствующие наряды, оставалось загадкой, а свои длинные черные волосы он заплетал сзади в косичку.

Верный репутации, Стельцер сумел настроить против себя как

обвинителей, так и судью первым же своим шагом. Он заявил, что в округе Дейд невозможно подобрать беспристрастных присяжных из-за обилия нежелательных публикаций в прессе и подал прошение о переносе заседаний суда в другое место.

Судья, скрепя сердце, это ходатайство удовлетворил, и слушание было перенесено на шестьсот километров от Майами в Джексонвилл.

Вполне предсказуемым был следующий ход Стельцера – он заявил, что его подзащитного следует признать невменяемым. В подтверждение он сослался на вспышки гнева, которым был подвержен Дойл, напомнил суду о его трудном детстве, о буйном поведении в тюрьме и патологической лживости. Последний аргумент нашел себе наиболее яркое подтверждение, когда Дойл принялся горячо отрицать, что вообще когда-либо близко подходил к дому Темпоунов, хотя даже защита не оспаривала факта его ареста на месте преступления.

Все это, по мнению Стельцера, были симптомы душевной болезни. Судья Оливадогги снова с видимым неудовольствием согласился на проведение психиатрической экспертизы. Дойла обследовали трое назначенных властями штата врача, волынка эта растянулась на четыре месяца.

Заключение экспертов гласило: да, с оценкой личности и поведения подсудимого, которую дала защита, нельзя не согласиться, но это не означает, что он невменяем. Он понимает разницу между правильными и не правильными поступками, между добром и злом. После этого судья объявил Дойла психически здоровым, и ему было наконец предъявлено обвинение в убийстве при отягчающих обстоятельствах.

Первое появление Дойла в зале суда на всех присутствовавших произвело неизгладимое впечатление. Он оказался гигантом: рост – под два метра, вес – килограммов сто двадцать. Бросались в глаза крупные и грубые черты лица, мощный торс, огромные руки. В Элрое Дойле все было необъятных размеров, и понятие о себе самом он имел соответствующее. В зал заседаний суда он всякий раз входил с выражением высокомерной презрительности, с почти открытой язвительной усмешкой. Многим казалось, что на протяжении всего процесса Дойл оставался совершенно равнодушен к происходящему, а один из репортеров писал об этом так: “Элрой Дойл готов свидетельствовать в суде против самого себя”.

Наверное, ему смогла бы помочь мать, как она не раз делала в прошлом, но, увы, Бьюла Дойл умерла от СПИДа несколькими годами ранее.

Лишенный ее поддержки. Дойл вел себя враждебно и вызывающе. Даже во время подбора присяжных он громко обращался к своему адвокату с репликами вроде: “Скажи, чтобы эту жирную обезьяну выкинули отсюда к едрене фене!” И это об автомеханике, кандидатуру которого Уиллард Стельцер уже готов был утвердить! Пожелание подсудимого попало в протокол, адвокату пришлось пойти на попятную, впустую потратив столь драгоценное право на единственный отвод без объяснения причин.

Нашлась еще одна почтенная чернокожая матрона, отнесшаяся к Дойлу с некоторой симпатией, но он опять проорал на весь зал: “Да эта черномазая ни хрена не сечет в правосудии!” – и ее кандидатура тоже была снята.

Только после этого судья, который прежде ни на что не реагировал, сделал подсудимому предупреждение. Наступила пауза, в течение которой расстроенный Уиллард Стельцер, вцепившись пальцами в рукав своего подзащитного, что-то возбужденно и напористо нашептывал ему на ухо. Дальнейший подбор присяжных прошел без выходов Дойла, но они возобновились, как только начался сам процесс.

На свидетельскую скамью вызвали доктора Сандру Санчес, судебно-медицинского эксперта округа Дейд. Она показала, что охотничий нож, на котором, как уже было известно суду, обнаружили отпечатки пальцев Элроя Дойла, послужил орудием убийства Кингсли и Нелли Темпоун. Дойл с перекошенным злостью лицом снова вскочил на ноги и выкрикнул: “Ты лжешь, мерзавка! Все ты лжешь! Это не мой нож. Меня вообще там не было!”

Судья Оливадотти, неизменно строгий к представителям обвинения и защиты, но славившийся мягкостью к подсудимым, на этот раз рассвирепел: “Мистер Дойл, если вы не замолчите, я вынужден буду пойти на крайние меры, чтобы вас успокоить!”

«Да иди ты... – пробасил в ответ Дойл. – Испугал тоже! Надоело мне торчать здесь и вашу хренотень выслушивать. Разве ж здесь судят по справедливости? Вы все сговорились против меня, чтобы казнить... Ну так сворачивайте это дело поскорее!»

Пунцовый от гнева судья обратился к Уилларду Стельцеру: “Я требую, чтобы защита вразумила своего клиента! Это самое последнее предупреждение. Заседание суда прерывается на пятнадцать минут”.

После перерыва свидетельские показания давали двое полицейских, которые были на месте преступления. Дойл беспокойно ерзал на скамье, но помалкивал. Настала очередь Эйнсли. Стоило ему приступить к рассказу об обстоятельствах ареста, как Дойл взорвался. Он с неожиданным проворством вскочил, пересек зал и набросился на Эйнсли, понося его на чем свет стоит: “...Свинья полицейская!.. Врун поганый!.. Меня там близко не было!.. Расстрига! От тебя Сам Бог отвернулся!.. Гнида!..”

Дойл молотил кулаками, а Эйнсли лишь вяло оборонялся, подняв руку щитом, но не нанося ответных ударов. Опомнившиеся судебные приставы навалились на Дойла, заломили ему руки назад, повалили на пол и защелкнули наручники на запястьях.

Судья Оливадотти снова объявил перерыв.

Когда заседание возобновилось, Элроя Дойла привели с надежным кляпом во рту и приковали наручниками к тяжелой скамье.

"Никогда прежде и ни в каком суде, мистер Дойл, – с обиженным достоинством сказал судья, – не приходилось мне усмирять подсудимого столь жестоким образом. Я искренне сожалею об этом, но своим буйным поведением и необузданным языком вы не оставили мне выбора. И все же если завтра до начала заседания ваш адвокат придет ко мне и передаст мне ваше чистосердечное обещание вести себя впредь примерно, я рассмотрю возможность снять с вас наложенные ограничения. Но должен снова предупредить вас, что, если обещание будет нарушено, ограничения будут наложены на вас до окончания процесса”.

Стельцер действительно посетил судью на следующее утро с заверениями от своего клиента, после чего кляп убрали, хотя наручники оставили. Однако заседание не продлилось и часа, как Дойл вскочил со скамьи и заорал на судью: “Ну ты и гадина, ., твою мать!”

Без кляпа в зал заседаний его больше не допускали. Судья же провозгласил, обращаясь к присяжным: “Меры, вынужденно принятые мною к подсудимому, не должны повлиять на приговор, который вы вынесете. Вам

надлежит руководствоваться только уликами и свидетельскими показаниями, которые..."

Эйнсли еще подумал тогда, что присяжным едва ли легко будет отрешиться от того впечатления, которое произвели на них выходки Дойла в зале суда. Как бы то ни было, но по окончании шестого дня заседаний и после пятичасового обсуждения присяжные вынесли единогласный вердикт: "Виновен в убийстве при отягчающих обстоятельствах".

Последовал неизбежный в таких случаях смертный приговор. Дойл продолжал настаивать на своей невиновности, но не подал апелляцию сам и никому не позволил воспользоваться этим правом от своего имени. Тем не менее потребовалось выполнить немало бюрократических формальностей, извести тонны бумаги, прежде чем была названа дата казни. Срок от вынесения приговора до приведения его в исполнение получился внушительный – год и семь месяцев.

Но этот день неизбежно настал, поставив перед Эйнсли не дававший покоя вопрос: что же поведает ему Дойл в самые последние минуты жизни?

Если только они успеют...

***

Хорхе по-прежнему гнал машину на север по шоссе Четыреста сорок один сквозь дождь и туман.

Эйнсли посмотрел на часы. 5.48.

Он взял трубку мобильного телефона, нашел в блокноте запись с номером и набрал его. На другом конце ответили с первого гудка:

– Тюрьма штата Флорида.

– Лейтенанта Хэмбрика, пожалуйста.

– Хэмбрик слушает. Это сержант Эйнсли?

– Так точно, сэр. Мне до вас осталось около двадцати минут езды.

– Да... Времени в обрез. Мы постараемся сделать все, чтобы вы успели, но сами понимаете – такие мероприятия не откладывают.

– Понимаю, сэр.

– Наш сопровождающий уже с вами?

– Еще нет... Хотя постойте, кажется, впереди светофор.

Хорхе энергично закивал. Перед ними отчетливо были видны два зеленых сигнала.

– Поверните на светофоре направо, – повторил инструкции лейтенант. – Наша машина ждет сразу за углом. Вас будет сопровождать Секьера, я сейчас свяжусь с ним.

– Спасибо, лейтенант!

– Так, теперь слушайте внимательно. Следуйте за Секьерой вплотную. Я уже дал распоряжение беспрепятственно пропустить две машины через внешние заграждения, главные ворота и два контрольных пункта на территории. Вас подсветят прожектором с вышки, но вы продолжайте движение. Остановитесь у входа в административный корпус. Я буду вас там ждать. Все понятно?

– Так точно.

– Вы ведь вооружены, сержант?

– Вооружен.

– Тогда мы сразу же проследуем в дежурное помещение, где вы сдадите оружие и служебное удостоверение. Кто у вас водитель?

– Детектив Хорхе Родригес. Мы оба в штатском.

– Для Родригеса у нас будут отдельные инструкции по прибытии. Вам придется все делать очень быстро, сержант.

– Я готов, лейтенант, спасибо. – Эйнсли повернулся к Хорхе:

– Все слышал?

– Так точно, сержант.

Светофор успел переключиться на красный, но Хорхе едва ли обратил на это внимание. Лишь чуть снизив скорость, он выехал на перекресток и свернул вправо. Невдалеке перед ними возник черно-желтый “меркьюри маркиз”, который уже начал движение, поблескивая маячком. Сине-белый “шевроле” полиции Майами пристроился ему вслед, и уже через несколько секунд стороннему наблюдателю обе машины могли показаться одним мерцающим пятном света, несущимся через ночь.

Позднее, когда Эйнсли пытался восстановить в памяти последний отрезок этого шестисоткилометрового путешествия, возникали лишь отдельные фрагменты. Он помнил безумную гонку по извилистым местным дорогам. Сорок пять километров они преодолели за неполных четырнадцать минут. Скорость, как он заметил в один из моментов, доходила до ста пятидесяти

километров в час.

Тамошние места были знакомы Эйнсли по предыдущим поездкам. Сначала они, должно быть, проехали мимо крошечного городка Вальдо, затем по правую руку остался аэропорт Гейнсвилла, потом был Старк, спальный пригород Рэйфорда, поселок с безликими домами, скучными магазинчиками, дешевыми мотелями и множеством бензоколонок, но ничего этого он теперь не успел даже увидеть. За Старком была ночь без единого огонька... Осталось смутное ощущение леса где-то рядом... Больше он ничего в спешке не заметил.

– Приехали, – сказал вдруг Хорхе. – Вот он, Рэйфорд.

Глава 5

Тюрьма штата Флорида не только снаружи кажется неприступной цитаделью, это самая настоящая крепость. Как и две другие тюрьмы, расположенные поблизости.

По странному стечению обстоятельств, рэйфордская тюрьма находится вовсе не в Рэйфорде, а в Старке. В самом же Рэйфорде расположены два других пенитенциарных заведения. Однако именно в главной тюрьме Флориды содержатся смертники, и приговоры приводят в исполнение только здесь.

Железобетонная громада медленно надвинулась, навалилась всей своей тяжестью на Эйнсли и его товарища. Вблизи этот монолит распался на несколько тянувшихся почти на два километра в глубину высоких серых строений с зарешеченными бойницами вместо окон. Чуть выдававшаяся вперед одноэтажка была административным блоком. Справа, чуть на отшибе, стояло трехэтажное, вовсе лишенное окон здание промзоны, где заключенные работали.

По периметру территория была обнесена тремя массивными восьмиметровыми стенами, каждую из которых венчали ряды колючей проволоки и оголенные провода под током. Через равные промежутки по стенам стояли вышки с прожекторами. Часовые на них имели в арсенале не только винтовки, но и пулеметы, а также гранаты со слезоточивым газом. С любой вышки тюрьма просматривалась как на ладони. В два замкнутых многоугольных двора, образованных стенами, на ночь и в случае тревоги выпускали здоровенных сторожевых псов.

На подъезде к воротам обе машины замедлили ход. Хорхе, который прежде здесь не бывал, чуть слышно присвистнул от удивления.

– Как ни трудно поверить, – сказал Эйнсли, – но нескольким парням

удалось отсюда сбежать. Вот только уйти далеко не удалось.

Он невольно посмотрел на часы, которые показывали 6.02, напоминая, что меньше чем через час Элрой Дойл совершит свой побег – самый страшный и самый последний побег.

– Случись мне, не дай Бог, оказаться здесь, – упрямо мотнул головой Хорхе, – я бы сбежал, как лить дать.

Автостоянка перед воротами тюрьмы была ярко залита светом. Наплыв народу в столь ранний час не застал полицейских врасплох. Они понимали, что казнь Дойла привлечет репортеров, равно как и толпу зевак, которые будут крутиться у тюремной ограды, жадно ловя любые слухи. Среди легковых машин на стоянке выделялись несколько телевизионных передвижек.

Мелкими группами поближе к воротам топтались демонстранты: некоторые держали плакаты с протестом против сегодняшней казни и высшей меры вообще, у других в руках теплились огоньками свечи.

Отдельной кучкой держались сторонники недавно возникшего движения, объединившегося под лозунгами вроде: “Налогоплательщик! Это самоубийство оплачено из твоего кармана!” или “Долом узаконенное самоубийство!”. Это были главным образом молодые юристы и их друзья, которые полагали, что приговоренные к высшей мере не должны иметь права отказываться от апелляции.

Вообще говоря, после каждого вынесенного смертного приговора апелляция направлялась в Верховный суд штата Флорида автоматически и рассматривалась быстро. Но вот если апелляция отклонялась, а так было в подавляющем большинстве случаев, то дальнейший процесс обжалования приговора мог растянуться на десять лет и более. В последние же годы все чаще сами приговоренные смирялись со своей участью и отказывались от дальнейшей помощи адвокатов. Губернатор штата мудро рассудил, что это право осужденных и никак не может классифицироваться как “самоубийство”. В ответ на возражения недовольных законников сей государственный муж простовато, но ядовито заметил: “Они не об этих несчастных думают, а о том, как бы самим лишний раз в суде покрасоваться”.

Эйнсли гораздо больше интересовал другой вопрос: задумывались ли демонстранты о тех, кто уже не мог участвовать в этих дебатах? О жертвах убийцы...

Миновав стоянку, Эйнсли и Хорхе подъехали к главным воротам, возле которых дежурили охранники. Здесь всех прибывающих обычно просили предъявить удостоверение личности и назвать цель посещения тюрьмы. Но охранники в темно-зеленых форменных брюках и белых гимнастерках встретили полицейские машины лишь жестами, велевшими быстрее проезжать. Внутри тюремного двора их немедленно поймал и повел слепящий луч мощного прожектора. Эйнсли и Хорхе прикрыли глаза рукой.

Так же, без остановки, они проскочили через два других КПП и подкатили к зданию тюремной администрации. Эйнсли не раз бывал в Рэйфорде, приезжал допросить подозреваемых, а однажды – к заключенному, против которого выдвинули новые обвинения, но он никогда не попадал на территорию с такой молниеносной быстротой.

Первой у административного корпуса остановилась патрульная машина; Хорхе припарковал “шевроле” рядом.

Едва Эйнсли открыл дверь, к нему направился высокий чернокожий офицер в форме охранника, с лейтенантскими нашивками на рукаве. Ему было слегка за сорок – аккуратно подстриженные усики, резкий шрам через всю щеку, пронизательный взгляд сквозь полукруглые стекла очков. Он протянул руку и отрывисто представился:

– Здравствуйте, сержант. Я – Хэмбрик.

– Доброе утро, лейтенант. Спасибо за помощь.

– Не стоит... Прошу следовать за мной. Лейтенант легким размашистым шагом повел его внутрь по ярко освещенному коридору, который связывал надежно охраняемую внешнюю территорию тюрьмы с еще более тщательно охраняемыми камерами. По пути им пришлось дважды ждать, пока откроются металлические решетки, управляемые невидимым оператором, а потом – невероятной толщины стальная дверь. Непосредственно за ней начинался широкий, как шоссе-четырехрядка, коридор, тянувшийся вдоль всех семи примыкавших друг к другу зданий, где содержались заключенные.

Хэмбрик и Эйнсли задержались ненадолго у комнаты дежурных, в которой за пуленепробиваемым стеклом несли вахту двое охранников и женщина-лейтенант. Едва взглянув на них, она выдвинула наружу металлический ящичек, куда Эйнсли положил свой табельный автоматический девятимиллиметровый “Глок”, пятнадцатизарядную обойму к нему и полицейское удостоверение. На время посещения все это поместят в сейф. О записывающем устройстве, которое он закрепил под пиджаком еще в машине, вопросов никто не задавал, и Эйнсли рассудил, что нет нужды самому сообщать о нем.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)